

УДК 266.1

МИССИОНЕРСТВО И ПРОЗЕЛИТИЗМ**MISSIONION AND PROSELITHISM****Игумен Серапион (А.Е. Митько)****Hegumen Serapion (A.E. Mitko)**

Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, строение 1

Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies
build.1, 4/2, Pyatnitskaya St., Moscow, 115035, Russia

E-mail: serapion@list.ru

Аннотация. Важнейшим элементом миссиологических исследований является системно-категориальный анализ базовой терминологии. Особенности исторического генезиса основных понятий миссиологии актуализируются в современных дискуссиях, посвященных миссионерскому служению. Нормативные документы Русской Православной Церкви содержат развернутые определения миссиологической терминологии и определяют траектории дальнейших исследований. Задачей данного исследования является определение различий в содержании понятий «миссионерство» и «прозелитизм».

Resume. An essential element of missiological research is the systematic and categorical analysis of the basic terminology. Features of the historical genesis of the basic concepts of missiology updated in current discussions dedicated to missionary service. Regulations of the Russian Orthodox Church contain detailed definitions missiological terminology and define the path for further research. The aim of this study is to determine the differences in the concept of «missionary» and «proselytism».

Ключевые слова: Православие, миссиология, миссия, миссионерство, священноапостольство, прозелитизм, история понятий.

Keywords: Orthodox, missiology, mission, missionary, holy apostleship, proselytizing, story ideas.

Вопрос различения миссионерства и прозелитизма является одним из центральных для православной миссиологии. В его контексте происходит рассмотрение целого ряда актуальных экклезиологических проблем, таких как единство и границы Церкви, статус других христианских церквей и церковных сообществ, принципы построения межхристианских и межрелигиозных отношений.

В настоящее время данный вопрос приобретает особое практическое значение в связи с принятием поправок [13, ст. 8] к федеральному закону № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», касающихся миссионерской деятельности [12, гл. III.1]. Изменение закона вызвало общественную дискуссию, основным мотивом которой стала критика принятых поправок. Наряду с критическим отношением к закону, участников дискуссии объединяет представление о миссионерстве как о чем-то самоочевидном и не нуждающемся в анализе и переосмыслении.

Русская Православная Церковь, осуществляя свое попечение о жизни российского общества, в силу своего пророческого призвания обращает внимание на некоторые значимые проблемы прежде, чем они оказываются в поле зрения общественности и законодателей. В своем докладе на Архиерейском Соборе 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, обратив внимание на ряд неопределенностей в православном миссионерском служении, призвал к его переосмыслению [1, с.26–27]. Эти положения доклада Святейшего Патриарха нашли отражение в Постановлении Собора [11, п. 15]. Во исполнение его решений епархии и синодальные учреждения Русской Православной Церкви объединяют свои труды по переосмыслению миссионерства. Необходимым эта-

пом этой деятельности является исследование различных аспектов миссионерского служения и сопутствующих ему форм деятельности.

Следует отметить, что основным пространством обсуждения проблем миссионерского служения в последние годы стал Интернет. Соответственно, проблемы миссии рассматриваются в контексте публицистического дискурса и лишены строгой научности. Ключевые понятия миссиологии лишены строгих коннотаций, каждый участник дискуссии исходит из собственного понимания миссии, часто нечеткого и неопределенного. При этом каждый предполагает, что оппоненты разделяют его представление об объеме и содержании миссиологических терминов. Вместе с тем анализ содержания дискуссий, посвященных миссиологической проблематике, однозначно указывает на отсутствие конвенциональности даже в отношении самых ключевых понятий, в том числе таких как миссия, миссионерство и прозелитизм.

Поскольку данные термины закрепляются в языке русского православного богословия сравнительно поздно – в XVIII веке – основными источниками по данному вопросу являются не святоотеческие тексты, а соборные определения XX века и ряд общецерковных документов, посвященных нормативной регуляции миссионерского служения в Русской Православной Церкви. Привлечение источников других Поместных Православных Церквей также не представляется принципиально необходимым в силу существенного различия в терминологии. Например, в греческом богословии вместо слова «миссионерство» используется понятие «*ιεραιοτολκή*».

Широкое заимствование латинской терминологии является типичным явлением для русского богословия Нового Времени. Среди причин данного процесса следует отметить доминирование украинского епископата в России XVIII века, преподавание в семинариях на латинском языке, недостаточное развитие славяно-русской богословской терминологии. Массовые заимствования иностранной терминологии не являются специфическим явлением церковной жизни, речь идет об общем тренде, характерном для России, начиная с конца XVII века. Петровские преобразования приносят в жизнь российского общества новые явления, некоторым из которых не было наименований в родном языке.

Однако экспансия иностранной терминологии этим не ограничивается. Зачастую происходит переименование вещей и явлений, имеющих устойчивое терминологическое значение в славянском или русском языке. С одной стороны, этот процесс отражал культурные предпочтения властной и интеллектуальной элиты, отражая лингвистические последствия модернизации. С другой стороны, часто принудительное внедрение иностранной терминологии становилось активным инструментом модернизации.

Эти тенденции легко проследить на примере терминов «миссия» и «миссионерство». С одной стороны очевидно, что церковное служение, направленное на преодоление раскола, включающее элементы силового воздействия, не вполне укладывалось в понятие «священноапостольства». Соответственно, новое явление в церковной жизни требовало терминологического уточнения. С другой стороны, заимствование латинского термина повлекло неизбежное привнесение коннотаций, характерных для католического богословия и церковной практики. Новые термины не просто описывали изменения в церковной жизни, но и активно конструировали определенные тенденции развития миссии в соответствии с парадигмой западного богословия.

Результатом данного процесса стало установление терминологического различия между «миссионерством» с одной стороны и «апостольством» с другой. Каждое из этих понятий получают собственные объем и содержание, происходит формирование отдельных предметных областей. Однако соотношение объема и содержания данных понятий оставалось неопределенным и динамичным. Эта неопределенность и динамика остаются актуальными вплоть до настоящего времени.

Можно констатировать наличие общих тенденций в процессе различения «миссионерства» и «апостольства». Понятие «миссионерства» формируется путем редуцирования части содержания «апостольства» и его дополнения коннотациями, заимствованными из западного богословия. Эта тенденция выражается в расширении объема понятия «миссионерства» за счет сужения понятия «апостольства». Во многом это было обусловлено изначальным различием статуса данных понятий. «Апостольство» не только имеет библейское

происхождение, но и является одной из фундаментальных экклезиологических категорий Никео-Цареградского Символа Веры, характеризующих один из атрибутов Церкви. Привнесение нового содержания в такое понятие равносильно искажению православной веры. Включение антираскольных и антисектанских практик в православное понимание апостольства вело бы к существенному искажению православного вероучения в целом. Новый терминологический конструкт «миссионерство», обладающий значительно меньшим богословским статусом, был призван аккумулировать новые смыслы, несопоставимые с «апостольством». Легитимация нового термина осуществляется в качестве прикладного аналога «апостольства». В результате этого процесса практические смыслы «апостольства» элиминируются, а сам термин приобретает преимущественно теоретический статус, либо соотносится с внутренней жизнью Церкви.

Таким образом, аналитическое истолкование терминологических новаций в русском богословии обнаруживает девиантные тенденции в развитии некоторых понятий. Возникает парадоксальная ситуация, при которой становится возможным представление о Церкви, сознающей себя апостольской, но не миссионерской, и миссии, утратившей свое апостольское призвание.

Другой тенденцией становится институциализация новой терминологии на фоне деинституциализации базовой. Институт апостольства в чистом виде присутствует в истории Церкви I в. В дальнейшем апостольство остается принципом церковного бытия и особым призванием святых, однако формы бытования апостольства в жизни Церкви нельзя назвать вполне институциональными. Миссионерское служение в синодальный период активно институциализируется, что проявляется в организации миссий, введении штатных должностей епархиальных миссионеров и иных формах. При этом в миссионерском служении сочетаются как институциональные формы апостольского типа (миссия среди языческих народов), так и его новые формы (антираскольная и антисектантская деятельность). Именно в рамках последних форм служения возникает проблема прозелитизма и его соотношения с миссионерством.

Понятие прозелитизма соотносится с двумя различными сферами применения. С одной стороны, термин «прозелитизм» в его узком значении используется в исторической науке, прежде всего, для обозначения феномена широкого обращения в иудаизм язычников в эллинистический и римский период. Понятие прозелитизма имеет библейское происхождение и сохраняется в качестве богословско-правового термина на протяжении всей истории еврейского народа. Исторически можно выделить два типа прозелитизма: добровольное присоединение язычников к народу Израиля, осуществляемое с разной интенсивностью на протяжении всей его истории, и насильственное обращение в иудаизм, локально ограниченное хасмонейской эпохой, но имеющее продолжение в истории других религий.

Этим определяется изначальная внутренняя противоречивость понятия прозелитизма. В случае добровольного присоединения субъектом прозелитизма является сам обращающийся, в случае насильственного присоединения субъектом выступают лица и институции, осуществляющие обращение. Эта противоречивость является следствием процесса искажения смысла понятия в его истории, то есть свидетельством девиантного развития термина.

Прозелитизм второго типа в большинстве случаев получает негативную оценку как насильственная практика в вопросах веры, сопряженная с попранием человеческой свободы и несущая вред душе обращаемого. В силу этого прозелитизм получает негативную оценку в понимании современного общества. Восприятие прозелитизма первого типа в иудейской среде также не лишено определенной негативности, вызванной предполагаемым несовершенством мотива обращающегося. Таким образом, негативная оценка прозелитизма как явления связана с проблемой несовершенства свободы.

Что еще объединят два типа прозелитизма в контексте их негативной оценки? Как правило, ни одна из религий не оценивает свою миссионерскую деятельность как прозелитическую. Понятие прозелитизма применяется при оценке деятельности других религиозных институций. Таким образом, прозелитизм как оценочное понятие с негативной кон-

нотацией применяется в отношении несовершенства мотивов или поступков другого и крайне редко в отношении себя.

Другая сфера применения термина прозелитизма в широком значении соотносится с апологетическим или дипломатическим дискурсом в сфере межконфессиональных или межрелигиозных отношений. В новейшей истории Русской Православной Церкви понятие прозелитизма в основном применялось в отношении процессов, связанных с возрождением УГКЦ на Западной Украине, миссионерской деятельности ряда протестантских и католических организаций, сект и новых религиозных движений. В данном контексте квалификация того или иного вида миссионерского служения как прозелитизма ведет к ее однозначно негативной оценке. В связи с этим проблема соотношения понятий миссионерства и прозелитизма приобретает важное теоретическое и практическое значение.

Каким образом сама Русская Православная Церковь определяет миссионерство и прозелитизм? В последние два десятилетия был принят ряд документов, так или иначе дающих определение миссионерства. Следует отметить, что в этих документах термины «миссионерство» и «миссия» в большинстве случаев синонимичны.

27 марта 2007 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви была принята «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [3]. В ней сформулированы общие принципы, цели и задачи миссионерского служения, определена миссионерская ответственность священнослужителей и мирян, описаны формы и методы современной миссионерской деятельности.

Преамбула Концепции начинается с определения: «Миссия (свидетельство) – проповедь для пробуждения веры – присуща самой природе Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви и заключается в провозглашении Благой вести всему миру: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Она направлена на спасение каждого человека» [3, с. 368]. Таким образом, несмотря на сложную историю термина, Русская Православная Церковь сохраняет изначальное понимание миссионерства как апостольства. Концепция особенно подчеркивает, что «Православная Церковь именуется Апостольской не только потому, что члены Церкви "утверждены на основании Апостолов" (Ефес. 2, 20), но и особенно потому, что через нее проповедь апостолов Иисуса Христа продолжается до сего дня. Она непрерывно растет как единосущная той Церкви, которая родилась в День Пятидесятницы, когда крестилось "душ около трех тысяч" (Деян. 2, 41)». Миссия рассматривается не как факультативная функция Церкви, а как сущностное качество и способ самораскрытия. Наиболее распространенные способы определения миссии сводятся к двум основным типам: этимологическому и сотериологическому.

В первом случае цель миссии часто определяется как проповедь Слова Божия и обращение в православную веру. «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» 1995 года делает акцент на определении первого типа: «Миссия, или свидетельство, присуща природе Церкви и заключается в провозглашении Благой вести всему творению (Мк. 16,15)» [2, II.1]. Документ «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» еще более последовательно следует этимологическому определению миссии: «Термин «миссия» происходит от латинского глагола *mittere* в значении «посылать, отправлять» и означает «задачу, поручение». Первыми христианскими миссионерами были апостолы (букв. «посланники»), исполнявшие данную им Самим Господом и Спасителем Иисусом Христом заповедь: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20). В Символе веры Церковь именуется Апостольской, что указывает не только на апостольское преемство веры и рукоположений, но и на призвание Церкви всегда проповедовать христианскую истину. Таким образом, миссия присуща самой природе Церкви: христианская Церковь есть Церковь миссионерская» [10, с.418–419]. Отметим, что православные определения этимологического типа, содержащие понимание миссии как проповеди и обращения, рассматривают ее в неразрывной связи с апостольским основанием Церкви. Современные православные определения миссии характеризуются тенденцией к преодолению исторического разрыва между миссионерством и священноапостольством.

Во втором случае при определении цели миссии Церковь исходит, прежде всего, не из этимологии, а из сотериологии. Проповедь Слова Божия и обращение в православную веру рассматриваются как содержание миссии, тогда как ее конечная цель понимается в спасении человека. Даже эффективная проповедь и обращение сами по себе не тождественны спасению. Конечная цель миссии лежит в сфере сотериологии. Именно актуализация сотериологической направленности миссии на всех этапах ее осуществления определяет богословскую идентичность и практическую эффективность миссионерского служения. Этот подход в полной мере проявляется в «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»: «Она (миссия – прим. авт.) направлена на спасение каждого человека» [3, с. 368] и «Концепции возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»: «Миссия Церкви – спасение каждого человека» [2]. Несомненно, что сотериологическое понимание целей миссии преемственно присутствует в основополагающих документах Русской Православной Церкви. Таким образом, православное понимание целей миссии не ограничивается проповедью и обращением, изначальной и конечной целью является спасение человека. Этимологические и сотериологические типы определений не противоречат друг другу, являясь составляющими единого миссиологического дискурса.

Наряду с определениями миссии и миссионерства в общецерковных документах присутствует описание феномена прозелитизма. Документ «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» [6], принятый Юбилейным архиерейским собором 2000 г., говорит о прозелитизме на ее канонической территории: «Русская Православная Церковь утверждает, что миссия традиционных конфессий возможна лишь в тех условиях, когда она осуществляется без прозелитизма и не за счет «переманивания» верующих, особенно с использованием материальных благ» [5, п. 6.2]. Тема прозелитизма получила активное развитие в общецерковных документах и выступлениях иерархов Русской Православной Церкви после событий, связанных с возрождением униатства на Украине и активной деятельностью протестантских и католических миссионеров на постсоветском пространстве. Данные явления оказались неразрывно связанными с систематическим проявлением физического и морального насилия. Прозелитическая деятельность иностранных миссионеров характеризовалась широким использованием манипулятивных технологий, направленных на управление мотивацией обращения. Данные технологии включали дезинформацию в отношении Православия, системы психологического контроля и материальное стимулирование обращаемых. Поскольку сами иностранные миссионеры никогда не называли свою деятельность прозелитической, у определенной части общества неприятие прозелитизма проявилось в переносе его негативных конотаций на понятие миссионерства. При анализе подобных явлений необходимо учитывать, что в общественном сознании присутствует представление о миссионерстве, по сути идентичное прозелитизму.

Православное понимание прозелитизма получило свое развитие в документе «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» 2013 г.: «В странах, где христианство является частью национальной культуры и сформировало идентичность народа, приходы Русской Православной Церкви не используют в деле свидетельства о Православии среди местных жителей такие методы, которые в современном контексте связываются с понятием прозелитизма. Подобные же требования наша Церковь предъявляет к инославным религиозным организациям на канонической территории Московского Патриархата. В то же время Церковь открыта для всех, кто ищет возможности воспринять в полноте Истину православной веры, а потому в тех государствах, где действует принцип свободы совести, переход в Православие отдельных людей, ранее придерживавшихся иных религиозных или нерелигиозных убеждений, является результатом их свободного личного выбора» [10, п. 5, с. 423–424]. Наиболее полно это понимание представлено в примечаниях, являющихся частью текста документа: «Прозелитизм» в современном христианском контексте не является синонимом слова «миссия». Прозелитизм, в отличие от миссии, имеет негативный смысл, поскольку под ним понимаются целенаправленные усилия по обращению других христиан в свое исповедание с применением предосудительных методов. Среди них – экономическое и политическое влияние, использование бедственно-

го положения людей, в котором им предлагается медицинская и гуманитарная помощь, психологическое воздействие, а также пренебрежительное отношение к другим исповеданиям. Прозелитизмом также является организованная миссия среди людей, традиционно и культурно принадлежащих к местной христианской общине» [10, прим.1, с. 424]. В данном тексте можно выделить несколько ключевых моментов.

Во-первых, утверждается нетождественность терминов миссии и прозелитизма в «современном христианском контексте». Здесь документ оставляет значительное пространство для исследования феноменов тождества миссии и прозелитизма вне христианского контекста. Различение миссии и прозелитизма осуществляется через противопоставление аксиологических статусов коннотаций. Невозможность негативной оценки является составляющей частью содержания термина «миссия». Православная миссия в своем подлинном значении не может оцениваться негативно. Если такое все же происходит, речь идет об искажении аутентичного содержания термина «миссия», в т. ч. путем внешнего привнесения негативной оценки, основанной на предвзятости оценивающего. С другой стороны, прозелитизм всегда оценивается негативно. Позитивная оценка прозелитизма возможно лишь в контексте мировосприятия, существенно отличающегося от христианского.

Во-вторых, указывается на различие миссии и прозелитизма в сфере целеполагания. Прозелитическая деятельность всегда направлена на обращение других христиан в свое исповедание. Таким образом, целью прозелитизма является не спасение человека и даже не проповедь Слова Божия во свидетельство, а именно его присоединение к конкретной конфессии, безотносительно к благу данного человека.

В-третьих, прозелитизм, в отличие от миссии, всегда использует предосудительные методы. Эти методы являются неприемлемыми как с морально-теологической, так и с этико-философской точек зрения. Морально-теологическая неприемлемость методов прозелитизма определяется их несоответствием главной цели евангельского благовествования – спасению человека и его духу свободы во Христе. Таким образом, прозелитизм является девиантной формой миссионерства, лишённого апостольского духа и основания. С этико-философской точки зрения, прозелитическая деятельность не содержит в себе понимания блага человека как конечной цели, рассматривая его лишь как средство к получения благ для собственной конфессии. Кроме того, каждый из перечисленных в документе методов получает негативную оценку в рамках обоих подходов. Конечной целью миссионерства является спасение души адресата миссии. Целью прозелитизма является присоединение человека к определенной конфессии. Разумеется, что в рамках прозелитической деятельности в качестве конечной цели декларируется именно спасение души обращаемого, однако реальными целями остаются рост собственной конфессии, расширение ее влияния в обществе, совершенствование экономической составляющей.

Одной из особенностей понимания феномена прозелитизма в церковных документах является последовательное отнесение его негативных последствий к жертвам прозелитической деятельности. Именно забота о душах людей является основным мотивом церковного попечения. Однако не меньший вред прозелитическая деятельность приносит ее организаторам и непосредственным участникам. Небрежение спасением ближнего несет вред собственному спасению. Ограничение свободы другого ведет к утрате собственной свободы. Прозелитическая деятельность ведет к деформированию мотивации ее организаторов и участников и формированию особого девиантного этоса лжемиссионера.

Являясь девиантной формой миссионерства, прозелитизм формируется на основе утраты апостольского духа и оснований христианской миссии. Использование миссионерской терминологии и внешняя схожесть приемов и средств деятельности создает возможность неразличения миссии и прозелитизма в обыденном сознании. Сложность исторического генезиса миссионерской терминологии способствует взаимной подмене содержания понятий «миссия» и «прозелитизм», что может создавать определенные трудности как в общественном восприятии, так и в развитии церковно-государственных отношений. Новые способы регуляции миссионерской деятельности направлены, прежде всего, на ограничение прозелитизма, однако отсутствие этого понятия в законодательстве ведет к определенным неясностям, в т. ч. в сфере правоприменения.

Список литературы References

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2016 года) // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html>

The report of his Holiness Patriarch Kirill at the Council of bishops of the Russian Orthodox Church (February 2, 2016) // Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html>.

2. Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (документ утвержден определением Священного Синода Русской Православной Церкви 6 октября 1995 г. (журнал № 4043)) // Официальный сайт Синодального миссионерского отдела Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://портал-миссия.рф/index.php/item/kontseptsiya-vozhrozhdeniya-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>

The concept of revival of missionary activities of Russian Orthodox Church (the document approved by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on 6 October 1995 (journal No. 4043)) // the Official website of the Synodal missionary Department of Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://портал-миссия.рф/index.php/item/kontseptsiya-vozhrozhdeniya-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>.

3. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (принята Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 368–394.

The concept of missionary activities of Russian Orthodox Church (adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church March 27, 2007, journal № 12) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 368–394.

4. Миссиология: учебное пособие / под общ. ред. архиеп. Иоанна (Попова) - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. - 400 с.

Missiology: the textbook / under the General editorship of Archbishop. John (Popov) - Ed. 2-e, ISPR. and additional - M: the Missionary Department of the Russian Orthodox Church, 2010. - 400 p.

5. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославью // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?_ctxowner=8942/

Basic principles of the attitude of the Russian Orthodox Church toward the other Christian confessions / the Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?_ctxowner=8942/

6. О православной миссии в современном мире (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1994 г.) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 361–365.

On Orthodox mission in the modern world (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church 1994) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 361–365.

7. О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1994 г.) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 365–368.

About pseudo-Christian sects, neopaganism and an occultism (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church 1994) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 365–368.

8. Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви (определение Священного Синода Русской Православной Церкви 27 декабря 2011 г., журнал № 152) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 411–417.

About organization of missionary work in the Russian Orthodox Church (Holy Synod of the Russian Orthodox Church December 27, 2011, issue No. 152) // the Collection of documents of the Russian

Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing house of Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2014. P. 411–417.

9. О различных направлениях миссионерской деятельности Церкви (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2013 г. "Постановления..." п. 33) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 418.

Regarding the various areas of the Church's mission (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church of 2013 "Decisions..." p. 33) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 418.

10. О современной внешней миссии Русской Православной Церкви (принято Священным Синодом Русской Православной Церкви 16 июля 2013 г., журнал № 80) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 418–427.

About modern foreign missions of the Russian Orthodox Church (adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on 16 July 2013, the journal № 80) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 418–427.

11. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2–3 февраля 2016 года (Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, состоявшимся 2–3 февраля 2016 года в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя в Москве), п. 15 // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html>

The decision of the Consecrated Arhierejsky Cathedral of Russian Orthodox Church February 2–3, 2016 (Document adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church, held on 2–3 February 2016 in the Hall of Church cathedrals of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow), p. 15 / the Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html>

12. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция), глава III.1 // КонсультантПлюс. Реж. дост.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

Federal law "On freedom of conscience and on religious associations" of 26.09.1997 N 125-FZ (latest revision), Chapter III.1 // ConsultantPlus. Dir. ven.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

13. Федеральный закон от 06.07.2016 N 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности", статья 8 // КонсультантПлюс. Реж. дост.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/

Federal law of 06.07.2016 N 374-FZ "On amendments to the Federal law "On combating terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public safety", article 8 // ConsultantPlus. Dir. ven.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/